

Е. В. КАЛМЫКОВА

ПАСТЫРИ ВО ГЛАВЕ АРМИИ ОБРАЗЫ ВОИНСТВЕННЫХ ПРЕЛАТОВ В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются казусы, связанные с нарушениями людьми Церкви заповестей на ношение оружия и участия в военных действиях. Основное внимание автор обращает на то, как эти казусы были отражены в английской средневековой исторической традиции.

Ключевые слова: *оружие, война, Церковь, духовенство, каноническое право, хроники*

«...Злому не противься, но если кто ударит тебя в правую щеку, подставь ему другую... любите врагов ваших и молитесь за тех, кто гонит вас» [Мат. 5: 39, 44]. Эти слова из Нагорной проповеди Христа, вместе с другими евангельскими текстами и посланиями апостолов, стали основой для христианского пацифизма. Некоторые из ранних отцов Церкви (Тертуллиан, Ориген, Лактанций) полностью отвергали кровопролитие, считая его языческим наследием, и провозглашали новую христианскую эру эпохой мира. Другие христианские богословы (Климент Александрийский, Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный), напротив, пытались адаптировать пацифистские идеалы к суровой реальности, закладывая основу христианского понимания справедливой войны¹. Впрочем, всех теологов объединяло представление о войне, как о деле исключительно мирском, не подходящем для служителей Церкви. Это нашло отражение и в церковном законодательстве. В 451 г. Халкидонский (IV Вселенский) собор запретил духовенству (как клирикам, так и монашествующим) носить оружие, провозгласив следующее: «тот, кто стал священником или монахом, не должен нести военную службу или исполнять светскую должность. Тот, кто посмеет сделать это, не покается и не вернется к своему первоначальному служению Богу, должен быть предан анафеме»².

Между тем, после провозглашения христианства официальной религией в Римской империи (Миланский эдикт, 313 г.) иерархи Церкви

¹ The Early Fathers on War and Military Service... 1983.

² «Qui semel in clero deputati sunt aut monachorum vitam expetiverunt, statuimus, neque ad militiam neque ad dignitatem aliquam venire mundanam aut, hoc temptantes et non agentes poenitentiam, ut redeant ad hoc, quod propter Deum prius elegerunt, anathematizari» (Decrees of the Ecumenical Councils, p. 90, c. 7). В богословии это соборное правило трактуется как общий запрет на возвращение в мирское состояние. См.: Православная Энциклопедия Т. 9. С. 612 (Вселенский IV Собор), т. 16. С. 385 (Духовенство). Выражаю благодарность за это замечание Н.И. Алтуховой.

были наделены административными полномочиями, среди которых была оборона епархии и защита паствы от врагов (*defensor civitatis*). Вплоть до позднего Средневековья роль епископов как локальных и региональных политических лидеров только возрастала. Рассуждая о пастырском долге, возложенном на каждого епископа, автор «Жития Бруно, архиепископа Кельна» Руотгер (1-я пол. X в.) полагал, что главам епархий следует заботиться не только о душах своей паствы, но и оберегать их тела в условиях опасности, «возглавляя их во время войны»³. Активность прелатов на военном поприще в раннее и классическое Средневековье приводила к тому, что в ходе сражений их убивали. Согласно подсчетам Ф. Принца, в Каролингской империи по крайней мере десять епископов были убиты в боях в период с 886 по 908 г.⁴ В Англии дело обстояло аналогичным образом. Хорошо известен пример епископа Шерборна Элстана, брата короля Уэссекса Эгберта, который одержал множество побед над данами: «845 год от Р.Х. В этот год олдермен Эанульф, с людьми из Сомерсета, и епископ Элстан, и олдермен Осрик, с людьми из Дорсета, сражались в устье Паррета с армией данов; и там многих убили и одержали победу»⁵. Его преемник Хемунд также сражался с данами и был убит в битве при Басинге в 871 г.⁶

Важно отметить, что эти события разворачивались на фоне папских (наиболее суровые возражения исходили от Николая I (858–867)) и соборных (в Мо – 845 г., в Париже – 846 г., в Тичино – 876 г., в Меце – 888г.) запретов на ношение оружия священниками⁷. Это противоречие довольно быстро получило идеальное, но практически не соблюдаемое на практике, разрешение. Например, собор в Вере 844 г. поддержал идею назначения епископами помощников из числа мирян, дабы те занимались организацией военной службы вассалов прелатов⁸. Сами же иерархи Церкви, так же как простые ее служители, должны были заниматься исключительно пастырской деятельностью: молитвами, наставлениями, проповедями и совершением таинств.

Центральным сюжетом данной статьи мне хотелось бы сделать не правовой аспект участия священников и монахов в военных действиях,

³ «Causantur forte aliqui dispensationis ignari, quare episcopus rem populi et pericula belli tractaverit, cum animarum tantummodo curam susceperit. Quibus res ipsa facile, si quid sanum sapient, satisfacit, cum tantum et tam insuetum illis presertim partibus pacis bonum per hunc tutorem et doctorem fidelis populi longe lateque propagatum aspiciunt, ne pro hac re quasi in tenebras amplius, ubi non est presentia lucis, offendant» (Ruotgeri Vita Brunonis archiepiscopi Coloniensis... S. 23–24).

⁴ Prinz 1971. S. 81–87.

⁵ The Anglo-Saxon Chronicle. P. 64–65; Англосаксонская хроника... С. 65.

⁶ The Anglo-Saxon Chronicle. P. 68–69; Англосаксонская хроника... С. 68–69.

⁷ Duggan 2003. P. 97.

⁸ Prinz 1979. Vol. II. P. 306.

и не размышления богословов по данному вопросу, а традицию повествования в исторических сочинениях о событиях, связанных с участием духовных пастырей в военных действиях.

Прибывший около 429 г. в Британию для борьбы с пелагианской ересью епископ Герман Осерский лично принимал участие в сражении с пиктами. Составляя житие св. Германа, Констанций Лионский (ок. 480 г.) не только не стал опускать эту информацию, но, напротив, сделал на ней акцент. Рассказ Констанция полностью повторил Беда Достопочтенный. Св. Герман показан предводителем праведного христианского воинства, выступившего против нечестивых язычников. Придав столкновению с пиктами оттенок борьбы за истинную веру, Констанций, а за ним и Беда, указывают на подобающее поведение святого, которое не противоречит запретам на ношение оружия представителями духовенства. В руках Германа не было оружия, но лишь хоругвь. Вместе с другими епископами он восклицал «Аллилуйя!», призывая остальных христиан повторить эти аккламации. Своими возгласами, «не нанеся ни одного удара», бритты напугали и обратили в бегство врагов. «Так победоносные понтифики одолели врага без пролития крови, одержав победу верою, а не силой»⁹. Это описание также содержит прямую аллюзию на ветхозаветную победу Гедеона над мадианитянами [Суд. 7: 16–23], что подчеркивает религиозное значение победы.

Один из самых активных на военном поприще прелатов, единотроубный брат Вильгельма Завоевателя, Одо, епископ Байё, многие годы верой и правдой служил своему герцогу и королю. Епископ неоднократно возглавлял королевскую армию. О его участии в битве при Гастингсе (1066) сообщается во многих хрониках, его деяния также изображены на ковре из Байё. Епископ предстает не только как участник военного совета накануне сражения, но и как один из активных военных командиров. В полном рыцарском доспехе – шлеме и кольчуге, на боевом коне, которого он пришпоривает шпорами (на ковре они тщательно вышиты) – он вооружен сучковатой дубиной. Таким образом, автор рисунков для ковра, изготовленного, вероятно, по заказу епископа Одо, хотел продемонстрировать военные заслуги прелата, но также соответствие его поведения запретам на ношение меча и пролитие крови¹⁰. В том же ключе действовал Уильям из Пуатье (ум. 1090), один из ключевых хронистов этих событий, заложивший прочную историографическую традицию повествования о нормандском завоевании. Говоря об участии епископа Байё в военных действиях, хронист подчеркивал его роль как предводителя войска, но одновременно ука-

⁹ Беда Достопочтенный. Церковная история... I, XX. С. 25–26.

¹⁰ На ковре из Байё герцог Вильгельм, помимо меча, также вооружен чем-то вроде дубины. Возможно, дубина была неким символом власти. См.: Cowdrey 1997.

зывал на соблюдение религиозных предписаний: «Он никогда не брался за оружие, и никогда не желал этого; тем не менее, он внушал страх вооруженным людям, ибо, когда возникала нужда, он помогал воевать настолько ему позволял сан. Единственно и постоянно лишь королю, своему единоутробному брату, он был предан и лелеял его большой любовью и не желал расставаться с ним даже на поле боя, от него он получил много почестей и рассчитывал получить еще больше»¹¹.

Одо, епископ Байё, был не единственным воинственным прелатом в округении Вильгельма Завоевателя. Вместе с ним в битве при Гастингсе участвовал Жоффруа де Монбрей, епископ Кутанса. Прелатов сопровождали «многочисленные клирики и монахи, подготовившие себя к битве молитвами»¹². Повторяя вслед за Уильямом из Пуатье рассказ о битве при Гастингсе, Ордерик Виталий (ум. ок. 1142) также сделал акцент на молитвах, возносимых обоими епископами и другими служителями Церкви, и фактически свел к молитвам все их участие в сражении¹³. Повествуя о том, как Жоффруа де Монбрей в 1069 г. возглавил войско в походе против «западных саксов», «убивая одних, захватывая в плен и калеча других, и обращая прочих в бегство», а также о других многочисленных битвах между «англичанами и завоевателями», Ордерик Виталий добавил, что достойнейший епископ не только вел рыцарей в бой, но также возносил молитвы Богу¹⁴; тем самым хронист несколько затушевывает указание об участии прелата в кровопролитии. Симеон Даремский (ум. после 1129), сообщая о разорении и опустошении окрестностей Дарема в 1080 г. армией, во главе которой находился сам епископ Байё — единственный из магнатов, которого хорошо осведомленный о тех событиях историограф называет по имени, также избегает указаний на непосредственное участие Одо в военных действиях¹⁵. Не осуждая карательный характер похода, хронист подчеркивает военные заслуги епископа, но при этом не оставляет сколько-нибудь конкретных сведений, которые могли опорочить служителя Церкви.

¹¹ «Arma neque mouit unquam, neque uoluit moueri, ualde tamen timendus armatis. Bellum namque utilissimo consilio, cum necessitas postularet, iuuabat, quantum potuit religione salua. Regi, cuius frater erat uterinus, quem tanto amplectabatur amore ut nec inter arma uellet ab illo separari, a quo magnos acceperat atque sperabat honores, unice constantissimeque fidelis fuit» (William of Poitiers. *Gesta Guillelmi*. P. 167).

¹² «Aderant comitati e Normannia duo pontifices, Odo Baiocensis et Goisfredus Constantinus, una multus clerus et monachi nonnulli. Id collegium precibus pugnare disponitur» (Ibid. P. 125).

¹³ Orderic Vitalis. *The Ecclesiastical History*. Vol. II. P. 173.

¹⁴ Ibid. P. 229, 267.

¹⁵ «Odo Baiocensis episcopus, qui tunc a rege secundus fuerat, et multi cum eo primates regni cum multa armatorum manu Dunhelmum uenerunt, et dum mortem episcopi ulciscerentur terram pene totam in solitudinem redegerunt» (Simeon of Durham. Vol. 3, Part 2. P. 218–219).

Многие архиепископы Йоркские лично заботились об обороне края, регулярно подвергавшегося разорениям со стороны северных соседей. В 1138 г., в беспокойное для Английского королевства время – начало войны Стефана Блуаского и Матильды за корону Англии, шотландцы совершили одно из самых жестоких нападений на английское Пограничье. Современники этих событий, английские авторы середины XII в., традиционно представляли рассказ об этих столкновениях как о противостоянии благочестивого христианского воинства нечестивому. Обычно повествование начинается с перечислений злодеяний, творимых шотландцами в отношении мирного английского населения. Ричард Гексемский называл шотландскую армию «отвратительным войском, более диким, чем любые язычники, не почитающие ни Бога, ни человека». Шотландцы «разорили всю область и везде убивали местных жителей, не различая ни пола, ни возраста, ни состояния, уничтожая, грабя и сжигая деревни, церкви и дома»¹⁶. Элред из Риво замечал, что о злодеяниях, подобных тем, что творили шотландцы, невозможно прочитать ни в одном историческом сочинении¹⁷.

В английских хрониках того времени содержатся свидетельства массовых захватов в рабство и убийств священников, женщин и детей. По словам Генриха Хантингтонского: «они [шотландцы – *Е.К.*] разрубили беременных женщин и вырывали нерожденный плод. Они поднимали детей на острия своих копей. Они калечили священников перед алтарями. Они приставляли к телам убитых отбитые головы распятий и, меняя их местами, помещали на распятия головы убитых. Повсюду, где появлялись скотты, их сопровождали ужас и варварство, крики женщин, вопли стариков. Стоны умирающих, отчаяние живых»¹⁸. Детальное описание нечеловеческих жестокостей, творимых шотландцами, которые нарушали все мыслимые правила ведения войны по-христиански, логическим образом оправдывает появление духовного лидера, ставшего организатором сопротивления врагу. Именно Йоркский архиепископ Турстан представлен в хронике Генриха Хантингтонского лидером, сумевшим собрать, в отсутствие короля Стефана, баронов северных графств для обороны края. Архиепископ обещал северным баронам, что «священники его диоцеза, держа кресты, отправятся с ними в битву вместе со своими прихожанами, и что он сам, по воле Бога, желает быть со своими людьми в этом бою»¹⁹.

¹⁶ Richard of Hexham. *De Gestis Regis Stephani et de Bello Standardii*. P. 161.

¹⁷ Ailred of Rievaulx. *Historical Works*. P. 254.

¹⁸ Генрих Хантингтонский. *История англо-С. 500*; Henry of Huntingdon. *Historia Anglorum*. P. 708.

¹⁹ «Promisit etiam eis quod suae diocesis presbyteros singulos, cum crucibus et parochianus suis, pariter cum illis in bellum procedure faceret, et quod ipse cum suis bello interesse, Deo disponente, cogitabat» (Richard of Hexham. P. 161).

В последний момент болезнь помешала архиепископу принять участие в сражении, но он отправил вместо себя епископа Оркнейских островов, который воодушевил английских воинов пламенной речью, полной патриотических топосов о прошлых победах, призывов к возмездию, а также указаний на божественное правосудие, которому суждено свершиться руками сплотившихся вокруг него: «Вы – те, кто сегодня должен отомстить за дом Господа, священников Господа, смиренный народ Господа; если кто-то из вас падет в битве, то мы, представляя архиепископа, освобождаем вас от всякого наказания за грехи во имя Отца, чьи создания они жестоко и ужасно уничтожали, и Сына, чьи алтари они осквернили, и Святого Духа, вдохновенных коим они убили в своем безумии»²⁰. По сравнению с шотландцами англичане предстают истинным христианским войском. В центре их позиций была установлена повозка, к которой привязали знамена и хоругви с ликами святых (Петра Йоркского, Иоанна Беверлийского, Вилфрида Рипонского и Кутберта Даремского), особо почитаемых в северных областях королевства. Из-за изобилия знамен сражение стало известно как «Битва штандартов»²¹. Единение английских пастырей и воинов перед лицом чудовищного противника представлено в исторических сочинениях весьма логичным и оправданным, и ни один из авторов не упоминает о нарушении норм канонического права, запрещавших лицам духовного звания братья за оружие.

Сопровождавшие войска клирики должны были вдохновлять воинов на ратные подвиги, суля поддержку Бога в правом деле. Впрочем, нередко представители духовенства не ограничивались внушениями мирянам, являя подлинный пример наставления действием. Часто и авторы текстов не могли или намеренно не хотели замалчивать несоответствующие каноническому праву деяния духовных лиц, полагая их оправданными достойной причиной.

Одним из наиболее активных на ратном поприще прелатов эпохи Генриха II Плантагенета был единственный бастард короля, Джеффри, избранный в 1173 г. епископом Линкольна, а в 1189 г. ставший архиепископом Йоркским. В 1173–1174 гг., во время мятежа законных сыновей Генриха II, выступивших в союзе с матерью, королем Франции и королем Шотландии против своего отца, Джеффри Линкольнский возглавил английское королевское войско, действовавшее на севере Англии. Весной и летом 1174 г. вверенная ему армия захватила замки прикннувшего к мятежникам Роджера де Монбрея в Аксхольме и Йоркшире. Епископ проявил себя хорошим тактиком, организовав оборону северных границ королевства от вторжений шотландцев. Деятельность

²⁰ Генрих Хантингтонский. С. 503-504; Henry of Huntingdon. P. 714–716.

²¹ Bradbury 2004. P. 238.

Джеффри Линкольнского не только не осуждается хронистами, как неподобающая духовному сану, но, напротив, удостаивается всяческих похвал, как образец сыновней и подданнической верности.

Особое внимание заслугам Джеффри Плантагенета уделил Гиральд Камбрийский, посвятивший ему одну из глав «Зеркала Церкви». Примечательно, что все персонажи «Зеркала...» были либо уже широко почитавшимися святыми, либо, подобно Ремигию Феканскому, святыми потенциальными, канонизацию которых поддерживал сам Гиральд. Повествуя об осаде замка Монбрея, Гиральд пишет, что епископ Джеффри «сражался за отца и родину» (*pro patre simul et patria dimicare*)²². Сыновняя верность епископа Линкольнского выгодно отличает его от мятежных принцев, предавших отца. В уста самого Генриха II Гиральд вкладывает слова о том, что прелат – единственный законный сын короля, в то время как мятежники являются настоящими выродками²³. Таким образом, благородная и достойная причина – защита королевства и короля-отца – не только полностью оправдывает нарушение канонического права, но и фактически не оставляет возможности предположить иное поведение. Та же причина – *pro patre et patria* – приводится в хронике Иордана Фантозма. Трубадур и клирик из Винчестера описал события мятежа принцев в стихах. В диалоге короля и Ричарда, епископа Винчестерского, на вопрос Генриха II о том, кто из баронов сохранил ему верность в борьбе с шотландцами, епископ назвал Джеффри Линкольнского: «Он, сир, истинно Ваш верный друг / У него достаточно рыцарей и латников»²⁴.

Безусловно, мятеж сыновей и вассалов – ситуация экстраординарная, в которой выступление единственного оставшегося верным сына на защиту отца оправдывает другие прегрешения²⁵. Именно в этом ракурсе рассматривает Гиральд Камбрийский участие епископа Линкольнского в военных операциях. Сообщая о действиях прелата в Нормандии во главе армии Генриха II, воюющего с Ричардом Львиное Сердце, хронист указывает, что епископу было доверено «почти все королевское войско»²⁶. Конечно, мнение Гиральда Камбрийского, который сам надеялся стать епископом, весьма показательно, но оно, очевидно, не было исключительным. Собор, созванный в июле 1175 г.

²² Gerald of Wales. *Speculum Ecclesiae*... Vol. 4. P. 364–365.

²³ «Alii filii mei se revera bastardos, iste vero solus se legitimum et verum esse probavit» (Ibid. P. 368).

²⁴ «Il est, sire, veirement vostre charneus amis; Asez ad chevaliers e bons serjans marchis» (Jordan Fantosme. *Chronicle*. Lines 1556–1559)

²⁵ Поскольку младшему сыну Генриха на момент мятежа братьев было шесть лет, никто из хронистов его не учитывал.

²⁶ «cancellarius cum exercitu fere toto versus Aleconam divertit» (Gerald of Wales. P. 369).

в Вестминстере по инициативе архиепископа Кентерберийского, решительно осудил участие в военных действиях священников и ношение ими оружия²⁷. Однако на соборе не только не обсуждалось руководство военной кампанией Джеффри Плантагенетом, но именно в этом году его избрание на епископскую кафедру Линкольна было подтверждено папой Александром III.

Противостояние «своих» клириков «чужим» воинам, лишенным истинной веры, часто представлялось средневековыми историографами в качестве кульминационных или просто символических моментов в войне, таким образом подчеркивалась праведность деяний соотечественников и справедливость войны, которую они вели.

В 1346 г. в битве против шотландцев при Невиллс Кроссе помимо рыцарей северных графств под командованием лорда Перси участвовали монахи и клирики Йорка во главе с архиепископом. В изображении английских авторов это сражение предстает борьбой христово воинства с дьявольским. Анонимный автор «Бридлингтонского пророчества» (2-я пол. XIV в.) указывает на то, что вражеское войско вступило в бой под «предводительством дьявола»²⁸. Другой анонимный поэт, который посвятил победе англичан небольшую латинскую поэму, сделал тему противостояния поддерживаемых Христом праведников и одержимых Сатаной грешников главной в своем сочинении, сведя к минимуму рассказ о самой битве²⁹. Так же поступил и монах из Ланеркоста (середина XIV в.). Оба автора постарались усилить эмоциональное воздействие на читателей многочисленными ссылками на Писание и бесконечными сравнениями англичан и шотландцев с библейскими героями. Например, хронист из Ланеркоста уподобил Давида II царю Ахаву, делавшему «неудобное пред очами Господа более всех, бывших до него» и раздражавшему своими поступками Бога Израилева [3-я Царств 16:30–33], именуя пришедших с ним шотландцев «сынами беззакония»³⁰. Напротив, Уильяма Зуша, архиепископа Йоркского, и выступивших вместе с ним английских рыцарей он отождествил с Маттафией – иудейским священником, который вместе с сыновьями доблестно защищал веру и отечество [I Мак. II, 1, XIV, 16–19 и др.]³¹. Не ограничиваясь сравнениями с ветхозаветными героями, исто-

²⁷ «Quicumque ex clero videntur esse arma non sumant nec armati incedant, sed professionis sue vocabulum religiosi moribus et religioso habitu prebeant. Quod si contempserint tanquam sacrorum canonum contemptores et ecclesiastice auctoritatis prophantes proprii gradus amissione multentur, quia non possunt simul Deo et seculo militare» (Councils and Synods with Other Documents Relating to the English Church... P. 988).

²⁸ John of Bridlington // Political Poems and Songs... Vol. I. P. 148.

²⁹ On the Battle of Nevile's Cross // Political Poems and Songs... Vol. I. P. 41–51.

³⁰ Chronicon de Lanercost 1201–1341. P. 344, 349.

³¹ Ibid. P. 347.

риограф перешел к аллюзиям на Евангелия от Иоанна и псалмы, славя Господа за чудесную победу над врагом. Другой автор, Генрих Найтон (конец XIV в.), и вовсе полностью приписывал одержанную победу монахам, которые, по его словам, в тот день «как один были готовы жить и умереть для спасения королевства»³².

Примеры героических ратных подвигов английских клириков и монахов, воспетых в исторических сочинениях, можно продолжать долго. Согласно хронике Уильяма Торна из аббатства Св. Августина в Кентерберии (конец XIV в.), тамошний аббат Майкл Пичем, «несмотря на духовный сан, весьма активный в деле защиты своей страны», «возглавил сильный отряд из своих собственных, а также других способных людей, которых он держал при себе», и сражался с врагами при Фолкестоуне, а затем возле Дувра, отразив неприятеля в обоих сражениях»³³. Томас Уолсингем (ок. 1419) сообщает о настоятеле аббатства Льюис, который сражался вместе с рыцарями и был захвачен в плен во время защиты деревни Роттингдон (недалеко от аббатства)³⁴. Историограф XVII в. Ричард Бейкер добавил к рассказу Уолсингема, что до своего пленения аббат Льюиса и его соратники вошли в состав войска аббата Бэттла и под его командованием участвовали в снятии осады с Винчелси³⁵. На первом этапе Столетней войны представителей духовенства, воевавших с оружием в руках, было так много, что в 1356 г. папа Иннокентий VI решил отправить королям Англии и Франции специальные послания, в которых сурово осудил участие духовенства в военных действиях³⁶. Не стоит также забывать, что помимо вооруженного сопротивления врагам (обычно оно извинялось вышестоящими иерархами как вынужденная самооборона) в Англии в XIV–XV вв. существовало особое для европейской истории явление – военное ополчение духовенства, которое фактически уравнивало обязательства светских и духовных подданных английской короны³⁷.

В этой связи, полагаю, следует привести обратный пример, когда неисполнение королевской службы или же чрезмерная алчность и гордыня провоцировали авторов на рассуждения о несоответствии поступков духовному сану. Младший брат короля Стефана – Генрих, епископ Винчестерский, ставший в 1139 г. папским легатом, руководствуясь исключительно военной стратегией, летом 1141 г. приказал поджечь Винчестер, который был осажден войсками, верными импе-

³² Knighton Henry. Chronicle 1337–1396. P. 68.

³³ William of Thorne. Chronicle of St. Augustine's Abbey... P. 609, 658–659.

³⁴ Walsingham Thomas. Ypodigma Neustriae. P. 327.

³⁵ Baker Richard. Chronicle of the Kings of England. P. 137.

³⁶ Denifle Vol. I. P. 187; Contamine 1972. P. 171.

³⁷ Калмыкова 2013.

ратрице Матильде. В пожаре было уничтожено более сорока церквей, а также монастырь Хайд, в котором хранился огромный кованный из золота и серебра крест. По сообщению современников, Уильяма Малмсберийского и Джона Вустерского, после пожара алчный епископ забрал драгоценный крест и другие сокровища себе³⁸. Анонимный автор «Деяний Стефана» решительно осуждал «епископов, не всех, но многих из них, которые, хотя мне и стыдно это говорить, опоясались мечами, скакали верхом во главе надменных разорителей и делились с ними награбленное»³⁹. Но самое резкое осуждение было вынесено Генрихом Хантингтонским. Еще до начала гражданской войны, т.е. задолго до сожжения Винчестера, хронист назвал епископа Генриха «новым чудовищем, составленным из части чистой и части нечистой... частью монах, частью рыцарь»⁴⁰.

В октябре 1383 г. Генрих Деспенсер, епископ Нориджский, предстал перед судом парламента и короля Ричарда II по обвинениям, связанным с провалом военной кампании во Фландрии, которая была организована в рамках крестового похода против схизматиков, сторонников антипапы Климента VII. Епископу и назначенным им капитанам вменялись в вину плохая подготовка похода, сорванные сроки, пренебрежение опытом членов королевской фамилии, а главное – предательство – сговор с врагами королевства и передача им за вознаграждение захваченных ранее городов и крепостей. Экспедиция, закончившаяся полным поражением, и последовавший за ней судебный процесс вызвали живейший интерес современников, которые в большинстве своем одобряли выдвинутые против епископа обвинения. Важно отметить, что судьи вовсе не стремились добавить к списку обвинений неподобающее для духовного лица поведение. Подобные упреки можно найти только в нарративных текстах: так, анонимной автор «Цветов истории» не только утверждал, что Генрих Деспенсер своим поведением «больше походил на безрассудного солдата, чем на рассудительного прелата», но и сообщал, что король Ричард приказал епископу читать псалтырь, помяная тех, кто был убит им в боях⁴¹. В официальном протоколе парламентского заседания замечания о «недостойном прелата» стремлении командовать солдатами⁴² возникают лишь в связи с нежеланием епископа признавать главенство герцога Ланкастерского.

³⁸ William of Malmesbury. *Historia Novella*. P. 60; John of Worcester. *Chronicle*. Vol. III. P. 302–303.

³⁹ «Ipsi nihilominus, ipsi episcopi, quod pudet quidem dicere, non tamen omnes, sed plurimi ex omnibus, ferro accincti, armis decentissime instructi, cum patriae perversoribus superbissimis invebi equis, praedae participari» (*Gesta Stephani*. P. 157).

⁴⁰ Генрих Хантингдонский. С. 440–441; Henry of Huntingdon. P. 608–611.

⁴¹ *Eulogium Historiarum sive Temporis*. Vol. III. P. 365.

⁴² *Rotuli Parliamentorum et petitiones et placita in parlamento*. Vol. III. P. 156.

Анализ приведенных выше источников позволяет заключить, что в отличие от богословов и знатоков канонического права средневековые хронисты, хотя и принадлежали к духовному сословию, более мягко относились к каноническим запретам на ношение оружия служителями Церкви. В зависимости от личных пристрастий и отношения к героям повествования, авторы исторических сочинений либо подчеркивали бескровный характер участия духовенства в военных действиях (вдохновляли воинов проповедями и возносили молитвы об успехе), либо переносили акцент на оправдывающие правонарушения благочестивые причины. Важно, что в обоих случаях активная роль духовенства в сражении служила для усиления эффекта справедливого, достойного, благого деяния. Напротив, если историографы полагали, что поступки того или иного духовного лица причиняли вред королевству, подданным короля или самой Церкви, тогда нарушение запрета на участие в войне и ношение оружия преподносилось в качестве очевидного греха, заслуживавшего порицания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Anglosaxonskaya hronika IX–XI veka / Per. Z.U. Metlickaya. Sankt-Peterburg, 2010.
 Beda Dostopochtennyu. Cerkovnaya istoriya naroda anglov / Per. V.V. Aerlihan. SPb., 2003.
 Genrih Hantingdonskiy. Istoriya anglov / Per. S.G. Mereminskiy. Moskva, 2015.
 Kalmykova E.V. Voennaya sluzhba angliyskikh klirikov v XIV–XV vv. // Srednie veka. 2013. Вып. 74 (3–4). S. 150–171.
 Ailred of Rievaulx. Historical Works / Ed. M.L. Dutton, transl. J.P. Freeland. Kalamazoo, 2005.
 The Anglo-Saxon Chronicle / Ed. and transl. M. Swanton. Phoenix, 2000.
 Baker Richard. Chronicle of the Kings of England. London, 1684.
 Bradbury J. The Routledge Companion to Medieval Warfare. Routledge, 2004.
 Chronicon de Lanercost, 1201–1341 / Ed. J. Stevenson. Edinburgh, 1839.
 Contamine Ph. Guerre, état et société à la fin du moyen âge: études sur les armées des rois de France. Paris, 1972.
 Councils and Synods with Other Documents Relating to the English Church / Ed. D. Whitelock, M. Brett, and C.N.L. Brooke. Oxford, 1981. Vol. 1, 2 pts.
 Cowdrey H.E.J. Toward an Interpretation of the Bayeux Tapestry // The Study of the Bayeux Tapestry / Ed. R. Gameson. Woodbridge, 1997. P. 93–110.
 Decrees of the Ecumenical Councils / Eds. G. Alberigo et al; transl. N. Tanner et al. London; Washington, 1990. 2 vols.
 Denifle H.S. La desolation des églises, monastères et hôpitaux en France pendant la guerre de cent ans. Paris, 1897–1899. 2 vols.
 Duggan L.G. Armsbearing and the Clergy in the History and Canon Law of Western Christianity. Woodbridge, 2003.
 The Early Fathers on War and Military Service / Ed. L.J. Swift. Wilmington (Del.), 1983.
 Eulogium Historiarum sive Temporis / Ed. F.S. Haydon. London, 1859–1863. 3 vols.
 Gerald of Wales. Speculum Ecclesiae: De Vita Galfridi Archiepiscopi Eboracensis / Ed. J.S. Brewer. London, 1873. Vol. 4.
 Gesta Stephani / Ed. and transl. K.R. Potter, introd. R.H.C. Davis. Oxford, 1976.
 Henry of Huntingdon. Historia Anglorum / Ed. and transl. D. Greenway. Oxford, 1996.
 John of Worcester. Chronicle / Ed. R.R. Darlington and P. McGurk, transl. J. Bray and P. McGurk. Oxford, 1995–1998. 3 vols.
 Jordan Fantosme. Chronicle / Ed. and transl. F. Michel. London, 1840.
 Knighton Henry. Chronicle 1337–1396 / Ed. and transl. G.H. Martin. Oxford, 1995.

- Orderic Vitalis. *The Ecclesiastical History* / Ed. and trans. M. Chibnall. Oxford, 1969–1990. 6 vs.
- Political Poems and Songs Relating to English History / Ed. Th. Wright. London, 1852. 2 vols.
- Prinz F. King, Clergy and War at the Time of Carolingians // *Saints, Scholars and Heroes: Studies in Medieval Culture in Honour of Charles W. Jones* / Ed. M. H. King and W. M. Stevens. 2 vols. Ann Arbor (Mich.), 1979. Vol. II. P. 301–329.
- Prinz F. Klerus und Krieg im früheren Mittelalter. Untersuchungen zur Rolle der Kirche beim Aufbau der Königsherrschaft. Stuttgart, 1971. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; Bd. 2).
- Richard of Hexham. *De Gestis Regis Stephani et de Bello Standardii* / Ed. Richard Howlett. London, 1886.
- Rotuli Parliamentorum et petitiones et placita in parlamento. London, 1776–1777. 6 vols.
- Ruotgeri Vita Brunonis archiepiscopi Coloniensis / Ed. I. Ott // *MGH SS rer. Germ. N. S.* Weimar, 1951. Bd. 10.
- Simeon of Durham. *Works* / Ed. and transl. J. Stevenson. London, 1855. Vol. 3, Part 2.
- Walsingham Thomas. *Ypodigma Neustriae*. London, 1876.
- William of Malmesbury. *Historia Novella* / Ed. and transl. K.R. Potter. London, 1955.
- William of Poitiers. *Gesta Guillelmi* / Ed. and transl. R.H.C. Davis and M. Chibnall. Oxford, 1998.
- William of Thorne. *Chronicle of St. Augustine's Abbey, Canterbury* / Ed. A.H. Davies. Oxford, 1934.

Калмыкова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; ekalm@mail.ru

Churchmen as military leaders: the images of warrior bishops in English historical tradition

This paper looks into the ways medieval English historians represented the cases when clergymen violated the canonical prohibition to carry weapons and engage in military activities.

Keywords: weapons, war, Church, clergy, canonical law, chronicles

Elena Kalmykova. PhD in History, Assistant professor, Department of History of the Middle Ages, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; ekalm@mail.ru